

Андрей Иванов

Andreyivanowww@gmail.com

<https://www.facebook.com/andrew.ivanov.75>

+375 44 576 39 98

ЖЕНЯ НА КУХНЕ

Невербатим об одном путешествии

Минск. 2015

Действующие лица:

Женя

Алиса Селезнева

Аня

Алан

Комета Чурюмова-Герасименко

Ведущий

- *На сцене трое актеров. Один из них играет ЖЕНЮ, двое – мужчина и женщина играют все остальные роли*

1

Кухня. ЖЕНЯ сидит у окна. Перед ним ноутбук. Сзади него, на подоконнике, сидит АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА, одетая в советскую школьную форму, и курит, высунувшись в окно. Рядом с ней стоит АЛАН и тоже курит, глядя через окно на небо.

ЖЕНЯ: (АЛАНУ) Ну что там?

АЛАН: Да не видно. Она ж далеко от Земли пролетает.

ЖЕНЯ: О, блин. А я думал, она, как комета Галлея.

АЛАН: Да не. Чурименко или как-то так...

ЖЕНЯ: Чурюмова-Герасименко... А Галлея просто видно было. Невооруженным глазом.

АЛАН: Ну да.

Слышны позывные «Skype». ЖЕНЯ поворачивается к ноутбуку.

ЖЕНЯ: О, привет... За мной периодически будет кто-то ползать к окну, потому что там курилка за окном... О чем? Владивосток... А че про него рассказывать? Я, конечно, не был в Питере, но Владивосток для меня – это лучший город России. Он красивый, он классный, он почему-то выглядит очень европейским, хотя это, по-моему, самый

азиатский город России... Потому что он в Азии во-первых, далеко на востоке, это крайняя точка цивилизации. Но все равно он очень современный, тут очень много активной молодежи... Город молодой, ему всего сто пятьдесят семь лет. Или сто пятьдесят три... Но тем не менее очень красивый, и центр и окраины – спальные. Он очень зеленый, чего не хватает многим российским городам. Все засажено деревьями...

Сейчас я нахожусь в Часовне, это место называется Часовня, потому что оно находится на улице Часовитина... Я нашел этих ребят через интернет, тут очень весело, тут все какие-то творческие, стены заклеены разными рисунками, фотографиями, какими-то пошлыми вывесками. Постоянно играет гитара, балалайка, флейта, всевозможные пищалки...

Во Владивостоке я ограничиваюсь этой квартирой, я отдыхаю после Сахалина, и ничего не делаю, валяюсь целый день дома – читаю книжку... Много читаю. В последнее время прочитал про Славу Курилова, который вплавь добрался до Филиппин – трое суток плыл по океану. Сейчас читаю Эбби Хоффмана, книга называется «Сопри эту книгу или как выжить в государстве полицейской демократии.» Хоффман – хиппарь шестидесятых, который считал, что можно научить людей сражаться с полицейским государством и что-то из этого получить...

Сейчас еще накачал кучу литературы – как управлять яхтой, потому что может быть в скором времени мне это пригодится...

Книги о путешествиях – очень скучны, в них полно всякой ненужной информации – , как там что стоит посмотреть, что смотреть не стоит – я это очень не люблю... Когда попадается что-то интересное художественное – тогда да, можно почитать. Вот почему я читал Славу Курилова, потому что он на самом деле писал о путешествиях, о том, как человек сбежал из Советского Союза, спрыгнул с борта лайнера плыл трое суток плыл, плыл через океан с акулами, без остановки... Ну, не знаю, это невероятно... Меня захватывают истории о человеческих подвигах, о том, как люди могут переступить через какие-то границы... В первую очередь, физических и каких-то границах в мозгу...

Что? Первое? Первое что я читал, уже в таком... уже приличном возрасте, это был Кир Булычев «Приключения Алисы»... Вот, наверное, это – самая любимая книжка из детства... Я, наверное, не настолько отчаянный и не настолько храбрый, и самоотверженный, как Алиса Селезнева... Это, скорее, такой пример для подражания... был когда-то...

Вперед выходит АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА. Она поет.

АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА: ...Я клянусь, что стану чище и добрее, и в беде не брошу друга никогда. Слышу голос и спешу на зов скорее – по дороге, на которой нет следа! Прекрасное далеко не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь! Из чистого истока в прекрасное далеко, в прекрасное далеко я начинаю путь!

АЛАН уводит за руку АЛИСУ СЕЛЕЗНЕВУ. АЛАН возвращается, возит с посудой.

ЖЕНЯ: Я сижу за столом, на кухне, на седьмом этаже. Вот... Прямо передо мной – ноутбук, который не работает без розетки... Чуть-чуть повыше - маленькая карнавальная масочка декоративная и календарь, на котором написано: «И Наде и Вите и Маше и Коле пора готовиться к школе, вы порвали скакалку сточили мяч, вы вернулись с югов и дач, ждет вас надежный специалист, глобус вертеть и списывать лист». «Август». Есть еще много разных картин, фотографий... Холодильник заклеен...

Какие? *(Смеется)* Разные! На холодильнике наклеен Ленин, который показывает фак, у него желтые волосы и желтые усы и нимб над головой, написано «Дефицит. Выдача товара с 9 до 20 в свободные руки». Это что касается холодильника. Над выходной дверью - глаза, а справа от двери висит... А кто это такая?

АЛАН: А это соседка, она заебала нас.

ЖЕНЯ: Алан говорит, что это соседка, которая нас заебала, но я думаю, что это не соседка, а какая-то известная личность...

АЛАН: Эдита Пьеха!

ЖЕНЯ: Это, по ходу, Эдита Пьеха.

АЛАН: Не по ходу, это она и есть. Кудрявая бестия Советского союза

ЖЕНЯ: За мной на кухне стоит двуспальная кровать, на которой спят девочки. Я сплю на полу возле этой кровати в спальнике. Периодически Алан дает мне надувной матрас, и я сплю на надувном матрасе

АЛАН: Я тебе его дал,.. Пользуйся, на!

ЖЕНЯ: Ну, он говорит, что он мне его дал, просто мне лень тащить из соседней комнаты и я сплю просто на полу в спальнике. А иногда – на надувном матрасе. Над кроватью – окно, в которое можно сесть и курить.

Да, я начал курить на Сахалине двадцать третьего февраля две тысячи двенадцатого года... Ну как... Я... Как бы... Я давно вообще попробовал первый раз *(Раздается писк микроволновки)*, но подумал, что не надо начинать, потому что плохая привычка, я молодой неокрепший организм и впаду в зависимость и никогда не смогу бросить. Я подождал, пока я созрел... на мой взгляд... И решил начать курить. Купил синий «Winston» в супермаркете. Первый раз такое, как, знаешь, когда несколько дней не курил и начал курить – голова кружится, такое вот ощущение... И как-то вошло в привычку соответственно и сейчас я курю. Но я думаю, что брошу это... скоро. *(Усмехается. Мешает чай в стакане)*

Люди постоянно меняются, потому что я переезжаю с места на место. Здесь живет Алан... Он играет на гитаре, пишет стихи... Работает в авто... ремонтной мастерской... Курит траву, периодически... вот, вчера выпил пол-фляна водки на двоих...

АЛАН: Серия, номер паспорта, прописка... (смеется)

ЖЕНЯ вот, еще здесь живет его сестра Таня – она, не знаю, где работает, но она тоже творческая такая личность, она рисует, она...эээ... учится играть на ударных – вроде классно получается. И, насколько я знаю, она в ближайшее время бросает работу, потому что... ну, просто она будет пробовать жить без работы, и вообще она в скором времени планирует отказаться от еды и жить... идеей.

АЛАН: Что она... ебнулась что ли совсем?

ЖЕНЯ: Алан говорит, что, она ебнулась что ли совсем...

Ну, еще здесь есть девочка Женя, которая не ест мяса, потому что это очень полезно для организма и не потому что ей жалко животных...

АЛАН: Но пить пиво – очень даже не обращает внимания...

ЖЕНЯ: Да, да... Пиво она пьет, водку она пьет, и сигареты тоже курит...

АЛАН: А есть мясо – вредно...

ЖЕНЯ: Цель? Мне кажется, я... Ну с одной стороны, наверное, когда я начинал путешествие, мне хотелось просто убежать от всего, что меня окружало, а с другой стороны – я всегда боюсь, что я чего-то не успею... Это моя, наверное, самая такая... Большая проблема... Я всегда живу в постоянном страхе, что я чего-то не успею... Что что-то пройдет мимо меня, я состарюсь, стану немощным, скучным и умру. Мне... Для меня очень важно что-то новое увидеть, что-то новое узнать... Ну и в этом случае путешествие – лучшее, что можно выбрать.

Узнать как можно больше нового, причем особенно... Ну... как это сформулировать... То есть ты можешь предполагать, что ты узнаешь... Я, допустим, предполагаю, что я узнаю новые языки, предполагаю, что я узнаю культуру, я узнаю еще что-то... А скорее, я узнаю то, что даже не предполагал...

Да, я узнал много нового о странах, о которых не имел даже ни малейшего представления. Это Иран, Северная Корея, они меня очень сильно воодушевили...

О себе? Да, пожалуй... Я Щас подумаю, как это... О себе... Я это всегда знал, но... просто... Как-то не приходилось применять на практике... То, что не надо ничего бояться... Все получается, надо все воспринимать как есть... Что нет ни хрена ни плохого, ни хорошего... Погоди секунду... Что? (ПАУЗА) А, это сейчас Алан копается в морозилке, наверное хочет что-то поесть...

АЛАН: и выбираю расчлененку...

ЖЕНЯ: И выбирает расчлененку, говорит. Алан, да... Он из... У него осетинские корни. Ну и, кстати, о людях. О людях тоже очень много узнал. Я люблю людей, а в путешествии попадаются просто удивительные. В Алтае, например, мы познакомились с двумя

ребятами из Москвы, которые провели очень бурную молодость. Там парень и девушка, им что-то около тридцати лет, даже, наверное, и больше. У них была очень бурная молодость. Девчонка в 16 лет пережила клиническую смерть от передоза, было всякое бухло-наркотики... Потом они попали в кино, она работала гримером... или как называется человек, который превращает актера в вампира, например? Гример, да? Ну да, художником по гриму... А парень, освещителем по-моему, да? Осветителем все-таки.

И вот они жили в Москве долгое время, там познакомились, тоже вращались в этой кинотусовке очень активно, очень напряжно – с наркотой и алкоголем, и потом устали от этой жизни и решили отсюда куда-нибудь съехать, и уехали на Алтай, построили там себе землянку... из мешков. Представляешь, картофельные мешки синтетические? Не тканевые, а синтетические. Дно отрезаешь, получается такой рукав. Вот они этот рукав наполняли землей, укладывали по кругу в такой купол, холм. И построили, на самом деле, офигенный дом. Там, с печкой, с кухней, с подвалом, погребом. И вот они живут там, каждое утро купаются в холодной воде... Вегетарианцы... Вот сейчас они сажают сад, хотя в середине его выкопать огромный пруд, выращивать всякие персики арбузы в саду. Оказалось, что это возможно даже на Алтае.

Они были какие-то очень... Они знали, что они делают. Мне нравятся люди, которые уверены в том, что они делают. Знают, чего хотят, они к этому идут. Это здорово. Они живут очень спокойной жизнью – то, чего они и хотели, они вдалеке от людей, на лоне природы, в гармонии с собой, и меня это очень удивляет... Я не знаю, чего я хочу, я не знаю, зачем я путешествую, не знаю, что я буду делать после путешествия, буду ли я учиться или буду ли я работать, кем я буду работать – все так непонятно...

Погоди, ты пропадаешь куда-то... Да, сейчас лучше...

Затемнение. Космос. В луч света входит КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО.

КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО: Цель? Ну, блин, не знаю. А какая цель у жизни вообще?... Ты просто один раз решаешь отправиться в путешествие и все. Ну, это как-то... Путешествие – и есть моя жизнь. Думаешь, легко найти себе какую-нибудь цель в космосе? Он же, капец, огромный. Ты даже представить себе не можешь, какой он огромный... (ПАУЗА, вздыхает) Ну, когда я это решила, я не помню, а как началось все... Ну, как обычно, как... Взрыв, бах-тарарах, и ты уже летишь. Ну, точно не помню. Блин, это было где-то... Миллиона три лет прошло... Сколько себя помню, столько путешествую. Это сейчас я короткопериодическая, вокруг Солнечной системы за шесть лет. А пришла то я издалека.

Ну это тоже непросто, на самом деле. Все время чувствовать ускорение. И стресс постоянно... Ну что? Ты летишь вечно через черное пространство, холодное, одна все время. Вокруг – звезды, планеты. И это у вас там видно милые огонечки. Тут реально видишь, что такое звезды – да ну нафиг. Они огромные, злые. Радиация... Ну как сказать... Да и все не так уж и плохо, на самом деле. Все-таки даже звезды иногда подмигивают. Если они далеко. Ну и в местах я красивых бываю. Например, мне, вот,

туманность «Конская голова» очень понравилась, красивая. Реально, как конь... А вообще, это все - такое равнодушие большое, одиночество. Страшно иногда, конечно, когда задумываешься над этим, но это – такая моя жизнь, другой у меня нет.

КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО уходит.

Кухня. ЖЕНЯ сидит на подоконнике и курит.

ЖЕНЯ: Дом? Да, у меня есть семья, у меня есть дом. (ПАУЗА) Ну, знаешь... Я уже не уверен, что у меня есть дом, потому что... ну, вот я как-то всегда жил-жил, я жил в этом доме, вместе со своей семьей, я думал, что так надо. Сейчас уехал путешествовать, и в общем-то дом везде теперь. Теперь мир как-то стал с одной стороны очень большим, еще более неизвестным, чем был раньше, с другой стороны – очень маленьким, то есть стало очень просто перемещаться с места на место на сотни километров и пришло понимание того, что жить можно везде. Хотя вот... Два года назад я боялся уехать учиться в Литву, потому что не знал, как буду жить... без дома...

Ну смотри, вот, например, ты рождаешься там...дома, да? Учишься ходить, тебе становится тесно – ты выходишь во двор. Ты осваиваешь двор. Тебе становится тесно - ты осваиваешь там, ближайшие дворы и по итогу – целый район. Потом он становится тоже маленьким, ты выходишь на уровень города. И сейчас для меня происходит то же самое в общем-то с целой планетой... Я осваиваю... и, к сожалению... Я думаю, это будет очень грустное время, когда она тоже станет маленькой и тесной... Тогда жить будет очень грустно. Все станет простым и понятным, как в Беларуси и России...

Я думаю, однажды, я поселюсь где-нибудь далеко за городом... Знаешь, вот вообще за все время путешествия я в принципе увидел только одно место, где я бы хотел жить, наверное... Всегда. Это было в Карабахе, в какой-то отдаленной деревне, в горах, и мне там очень понравилось.

Там, как и во всем Карабахе очень много разрушенных азербайджанских домов, таких, знаешь... Одноэтажные каменные дома, добротные. Они разбомбленные, остались только стены, нету крыш, но в них никто не селится, потому что армяне говорят: это чужие здания, нам они не нужны, лучше мы их разберем на камни, пустим их на строительство, а это место засеем полем. Как бы нам не надо присваивать чужое. И вот, представь: такая достаточно большая долина, в ширину, наверное, километра три и в длину километров ну, десяток, наверное, такая, окруженная горами. И... По центру небольшое водохранилище, его сделали еще, наверное, в советские времена... Оно там есть, не знаю для чего... И несколько домов. Ну, деревенька небольшая, наверное, домов двадцать, немножко в отдалении от деревни стоит дом, в котором я жил. Возле дома – небольшое поле. Там есть кукурузные поля, арбузные поля... И в этом месте, немножко вверх, на горочку я бы хотел построить домик, посадить сад, какое-нибудь поле завести... Вот, там бы я мог жить.

Появляется АЛАН. ОН читает из руководства по управлению яхтой.

АЛАН: Капитаном может быть назначен только яхтсмен, имеющий необходимую квалификацию, подтвержденную свидетельством или дипломом на право управления яхтой с данной площадью парусности.

Распоряжения капитана в пределах его полномочий подлежат беспрекословному исполнению всеми находящимися на судне лицами" (Статья сорок восемь).

Кроме этого, "капитан обязан, поскольку он может это сделать без опасности для своего судна, экипажа и пассажиров:

Оказать помощь любому обнаруженному в море лицу, которому угрожает гибель.

Следовать со всей возможной скоростью на помощь погибающим, если ему сообщено, что они нуждаются в помощи, и если на такое действие с его стороны можно разумно рассчитывать.

За неисполнение указанных в настоящей статье обязанностей капитан несет установленную законом ответственность". (Статья пятьдесят три).

И далее: "Если, по мнению капитана, судну грозит неминуемая гибель, капитан после принятия всех мер к спасению пассажиров разрешает судовому экипажу оставить судно. Капитан оставляет судно последним, приняв все зависящие от него меры к спасению судового, машинного и радиотелеграфного журналов, карт данного рейса, документов а ценностей". (Статья пятьдесят шесть).

ЖЕНЯ садится за ноутбук. АЛАН подходит к окну. Смотрит в него, закуривает.

ЖЕНЯ: Короче, дело в том, что мне всегда хотелось бы пожить... Ну, когда я был маленьким, например, я мечтал, что я попаду в прошлое, еще когда не знают ни огня, ничего, чисто такие племена бегают, а я, такой знающий, из будущего попаду и буду учить там, строить дома, буду учить, там добывать огонь. Ну, что-то такое... И меня всегда интересовали книги о жизни после апокалипсиса. Мне, например, очень нравятся «Марсианские хроники» Брэдбери и все постапокалиптическое, потому что для меня вот... ну, я, например, знаю очень точно, что однажды человечество крякнется... Это не пессимизм, это просто, мне кажется, трезвый взгляд на вещи... И мне бы очень хотелось жить после этого времени, потому что... Это вот такое время, когда, знаешь, все ненужное, все фальшивое, оно просто отбрасывается, все взрывается, и вот остается, например, ну неважно там какое количество человек, просто какая-то группа людей...

Ну, вот ты один, допустим, остаешься, да? И вот ты просто смотришь и остается только самое ценное в восприятии мира, самое настоящее, не имеют значения все эти... вот какие-то... культурные... как это назвать... Ну, какие-то культурные устои, не имеют значения ничего, там, все эти фабрики, вся цивилизация. Все это – в руинах... И это, по моему, единственная возможность начать с чистого листа. То есть, даже не для одного человека, а вообще – начать абсолютно все. Ты можешь заново открывать мир, ты можешь заново проходить весь путь эволюции, весь путь цивилизации. И вот для меня Карабах,

именно та деревушка, это именно такое место – место после Апокалипсиса. После той войны, вот там очень много свидетельств этой войны, снаряды, разбомбленные дома... Это видно в глазах людей, и они на самом деле, вот эти люди, которые там живут, они как то человечнее, вот тоже, на самом деле, мне кажется это люди, которые пережили Апокалипсис и отмели все ненужное, все фальшивое и живут очень честной, очень искренней какой то жизнью . И вот все место там излучает эту атмосферу... Энергию...

Фальшивого и ненужного? ... Да столько всего... Зачастую мое поведение бывает... таким... фальшивым... чтобы... Угодить кому-то, чтобы, там, себе что-нибудь полезное вытворить... Человек должен жить для себя, но при этом... жить честно, смотреть людям в глаза и говорить все, как есть...

Бывает, да, бывает... Какойнибудь человек мне неприятен, но, например я, я ему об этом не говорю, и продолжаю проводить с ним время, чтобы его не обидеть, хотя на самом деле понимаю, что мне надо сказать: Иди-ка ты друг нахуй!

Ты понимаешь, тут... Может, я неправильно сказал, и ты привязался к этим словам... Тут нельзя сказать, что что-то вот, взять все, что меня окружает, перечислить в список и, там, галочками отметить – вот это нужно, а это не нужно – нет. Просто я говорил о том, что после Апокалипсиса ты начинаешь абсолютно-абсолютно-абсолютно с чистого листа. Не имеет значения, что все было плохо, просто ты начинаешь все с нуля. Неважно, что было раньше – ты никак не можешь уже к этому привязываться... Я вот о чем говорю...

Не все уничтожить и начать с нуля, а просто начать с нуля... Не потому что... там, все плохо, и все не так, а потому что это здорово - ... пройти все заново... Совсем-совсем иначе, так как ... Там, например, людей очень часто спрашивают – что бы ты изменил в своей жизни, если бы можно было прожить ее заново? Я раньше говорил, что ничего, меня все устраивает, меня на самом деле все устраивало... но сейчас я понимаю, что я бы изменил вообще абсолютно все. Я бы родился, может быть... в другом месте... может, женщиной... негритянкой... Или мусульманкой в рабстве... Или не знаю вообще...

АЛАН: Ух ты!

ЖЕНЯ: Что?

АЛАН: Комета!

ЖЕНЯ: Да ладно...

АЛАН: Ну посмотри.

ЖЕНЯ встает, подходит к окну, смотрит. АЛАН отдает ЖЕНЕ недокуренную сигарету.

АЛАН: Шутка.

АЛАН уходит. ЖЕНЯ смотрит ему вслед. Потом смотрит в небо через окно. В пальцах у ЖЕНИ дымится недокуренная сигарета. ЖЕНЯ обжигается окурком и тушит его.

ЖЕНЯ: Блин!... Что? Раны? Да, в больших путешествиях чревато... Были, да. Я продирался через заросли борщевика в Грузии... Мы решили поехать в национальный парк... какой-нибудь... долгая история была, как мы его выбирали... Мы в него попали, встретились там с двумя девчонками из Польши и вместе пошли в горы. Надо было подниматься порядка двадцать пять километров под каким-то невероятным углом по узкой тропинке, чтобы увидеть озеро на границе Чечни и Грузии. В итоге до озера мы не дошли. Там рос борщевик вдоль дорожки, а я был в шортах, рубашке, все это расталкивал руками-ногами. Я знал, что это опасно, не предавал этому значения. Через пару дней проснулся, и обнаружил, что у меня руки и ноги в огромных волдырях отвратительных, которые лопались, истекали жижей. Я решил замотать ноги бинтами, чтобы не пугать машины...

Я еще отморозил ухо в Монголии. Я потерял шапку, а байку с капюшоном постирал и пошел гулять по городу. Был достаточно сильный мороз, там, под сорокет. *(Усмехается)* И все было нормально, я ничего не чувствовал, как раз, наверное, потому, что обморозил. Ну, когда зашел в тепло, ухо немного поболело. Потом, через пару часов я зашел в туалет и увидел, что оно красное и огромных размеров. Болтается как тряпка. Стало реально страшно – я подумал, что все, капец, ампутация. Полез в интернет – читать че да как, в принципе прошло через какое-то время, оказалось, что несерьезно.

И обморозил руки, когда шел на Сахалин. Я еще не дошел до льда... В принципе, вся дорога до города Лазарева, в который нужно переходить по льду, где самое узкое место... Там достаточно нелюдимая дорога, и вот последние восемьдесят километров, в принципе машины практически не ходят, потому что дорога ведет только в этот городок. Бывает, продукты возят в магазин и все. И меня довели до поворота на этот город, и там начинается дорога через тайгу. Я вылез из машины и думаю – надо надеть наушники, потому что долгая дорога. Был сильный ветер, это место близко возле моря, поэтому очень влажный воздух. Я не обратил внимания, была небольшая температура – может, градусов пятнадцать-двадцать.

За полминуты, минуту максимум, пока я натягивал наушники, я настолько обморозил руки, что я ими ничего не чувствовал. Не мог держать, не мог ничего взять в руки. Не мог, конечно же надеть перчатки или одеть рюкзак. Ногами спихал рюкзак к краю дороги. Втянул руки просто в рукава, но они не согревались. Чтобы засунуть руки под мышки – зубами стягивал рукав. Сунул руки под мышки – не согреваются. *(Смеется)* Думаю – че делать, блин!? Надо совать в трусы. .. Ну... А куда еще... Одну руку засунул успешно, а вторую пихаю, а она чего-то не лезет... В чем дело? – думаю. Заглядываю под куртку и вижу, как рука просто цепляется пальцами за ремень, а я это уже не чувствую...

Ну, конечно, потом они отгрелись, было дико больно, я бегал по дороге *(Смеется)* и пел «Магутны божа, уладар сусвету» - очень громко, почти кричал – чтобы перекричать боль. И самое обидное, что, когда согрел руки, натянул перчатки, одел рюкзак, оказалось, что на расстоянии метров в сто, за деревьями стоит дом, где я мог согреться *(Смеется)*

Затмение. Космос. В луч света входит КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО.

Да, в космосе вообще очень холодно. А ты знал, что сердце кометы состоит из льда вообще? Ну, в смысле ядро. «Сердце» красивее все-таки звучит. Лед, да. Но это еще ничего не значит. Не значит, что я не чувствую ничего. Раны? Ну конечно. Полно. Иногда сквозь метеоритный пояс пролетаешь, так там просто кусками с тебя все скалывается. Или близко от Солнца когда летишь. Знаешь, как там жарко, в перигелии? Капец. А некоторые кометы, я слышала, вообще сталкиваются. Но это редко очень.

Представь, какой шанс в космосе с толкнуться двум приличным кометам? Да мизерный. А некоторых затягивает гравитационным полем планет. И они падают на планеты.

(Мечтательно вздыхает). Но не знаю, разве это рана? По-моему на планету упасть было бы здорово. Меня Юпитер однажды притянул... Но ничем это не закончилось. Просто орбиту сместил на пару астрономических единиц и все. Ну а еще говорят, что кометы, когда падают на бесплодные планеты, заносит туда жизнь. Может, я бы тоже занесла куда-нибудь жизнь. Очень хочется занести жизнь куда-нибудь. Может, на мне какие-нибудь бактерии найдутся. Или органические клетки... *(ПАУЗА)* Слушай, а, правда, что я с Земли на резиновую уточку похожа? По-моему, совсем непохожа...

Луч света гаснет.

Кухня. ЖЕНЯ сидит на подоконнике.

ЖЕНЯ: Когда я шел на Сахалин я долго-долго шел по льду, перешел через пролив, там надо было долго идти... Я думал тогда о свободе. Что свобода – это главная ценность человеческой жизни, а ответственность – это атрибут свободы... У меня тогда сформировалась моя личная философия... Именно там она сформировалась, наверное, потому, что там ничего не было, был только снег, все было белое на много километров во все стороны. Идти было тяжело, я слушал музыку, чтоб хоть как-то развлечься, разговаривал сам с собой, и вот, вывел эту теорию.

Вообще я тогда ощущал, что все – очень классно! Во-первых, я иду через море по льду! То есть я не просто иду по какой-то там реке или луже замерзшей, я иду по морю! Подо мной огромная толщина льда... Были места, где ветром был сметен снег, и было видно, что под тобой просто несколько метров льда – там, с пузырьками, с трещинами... Было страшно немножко, что вот, лед проломится – и что делать? Тем более, я знал, что фарватер еще полностью не закрылся, я его еще даже обходил, чтобы не угодить туда, то есть была возможность попасть на тонкий лед и провалиться туда. Еще я проебал возможность улететь на остров на вертолете, и, когда я шел уже по льду, увидел, что надо мной пролетел вертолет... Я шел еще где-то целый час, надеялся, что вертолет будет пролетать прямо вот надо мной, не где-нибудь, а вот именно надо мной, что я замашу руками, он прямо возле меня спустится и меня возьмут на вертолет. У меня были очень серьезные надежды на это... Но нет, нифига, он улетел в другом направлении...

... Короче говоря, я перешел на другой берег, попил чайку в деревеньке – там деревенька – пять домов. Мне указали, куда мне дальше идти, а я знал, что вот немножко дальше там пройти, километров двадцать вдоль берега надо, на юг. И там – газавики, которые

прокладывают через пролив трубопровод. Можно у них переночевать, и потом на служебном транспорте добраться вглубь острова. Я это заранее выяснил и шел целенаправленно к ним. Там ничего не было видно, только виднелась одна точка — оказалось, что это — вышка на самом деле. Вот я на эту точку ориентировался. Я шел-шел-шел, дошел где-то до середины пути, обернулся и увидел огромную тучу сзади — такая, знаешь, тяжелая снеговая туча. Было понятно, что сейчас начнется страшная пурга, все вокруг заметет, а я среди льда, вечерет, не знаю, было часов пять-шесть вечера ... Если начнется пурга, то я просто потеряюсь, наверное, если останусь на месте, то замерзну, а если буду куда-то идти, то наверняка быстро уйду в воду...

ЖЕНЯ уходит. Затемнение.

У карты Сахалинской области стоит улыбчивый ВЕДУЩИЙ с указкой в руках.

ВЕДУЩИЙ: Зима на Сахалине характерна длительным и устойчивым снежным покровом. На севере острова снежный покров устанавливается в конце октября, на юге — почти на месяц позже. Максимальной высоты снежный покров достигает в марте и колеблется в среднем от 50 см на севере до 70 см на юге (на востоке до 100 см). Из-за большой расчлененности рельефа и сильных ветров снежный покров залегает неравномерно; с наветренных склонов гор и с незащищенных участков снег сносится и накапливается в долинах рек, защищенных местах и в распадках, где его высота может достигать нескольких метров. Накопление большого количества снега в горах при соответствующих благоприятных условиях приводит к образованию и сходу снежных лавин.

Суровость сахалинской зимы усиливается частыми и длительными метелями. В зимний период наблюдается до 6—14 дней в месяц с метелями, продолжительность которых может достигать нескольких суток. Наиболее метелевые месяцы — декабрь-январь, что связано с усилением ветра в этот период. В отдельные малоснежные зимы, при низких температурах, в южной части острова глубина промерзания почвы может достигать более 100 см. На севере Сахалина встречаются отдельные участки многолетней мерзлоты.

Вдруг слышится хрипение динамика. На экране на фоне карты возникает ЖЕНЯ и читает стихи. ВЕДУЩИЙ улыбается и уходит. На фоне раздаются завывания ветра.

ЖЕНЯ: Эта свобода
дробит переносицу,
спину
узлит
в морской.
метит зрачки
истерии проблеском -
вызовом
с места в бой.

будит в полтретьего
запахом выжженным,
гонит
баржить
проспект.
каждый бомжара
как ангел вылежан
в облаке
из газет.

рыбой немое
больное горлице
тыщей
антарктик
жжёт.
крутит французским штопором
болищу
в уха
прозрачный лёд.

снять капюшон
перед входом в гипер,
выбритость
обнажить:
я не боюсь!
не скрываюсь!
слышите?!
цельте свои ножи!

сникерса выкрасть пачку,
выточить.
выбелить
обувь
в соль.
выскочить в снег из автобуса,
выскочить,
перехитрив контроль.

я неприкрыт
под свободы знаменем,
вышитым

ниткой
дыр.
так невпопад
честнотую раненый,
я
пионерю
мир.*

Затемнение.

2

Кухня. ЖЕНЯ сидит на стуле перед ноутбуком. У него на голове – ирокез. АНЯ сидит за столом, разбирает и чистит флейту.

ЖЕНЯ: Привет (*смеется*). Че? (АНЕ) А, тебе привет... Это – Аня, мы вместе с ней поедem в Китай... Мы с ней познакомились на Алтае.

Я хочу покраситься в рыжий. Вообще я на рынке выцепил китайского парикмахера, я ему объясняю, что хочу ирокез, что вот здесь и вот здесь – под ноль, это – оставить нетронутым. В результате получилось что-то такое... Но он был китаец, не понимал что я от него хочу...

А?... Ну, я говорил уже про Владик. Вообще для меня Владивосток – это что-то странное, потому что я раньше... Для меня раньше «Владивосток» - это было просто название, я знал, что это где-то очень далеко, прям невозможно где. И когда я в него попал, мне даже не верилось, что я действительно, блин, во Владивостоке... Для меня это крайняя точка цивилизации... (*смеется*) Точка отдыха, промежуточная точка перед рывком в Китай, потому что, на самом деле, я не жду от Владивостока ничего... Я очень устал от России и хочу ее скорее покинуть. Нет, конечно, в ней тоже осталось мое сердце. Но в некоторых городах – больше все-таки... Например, Кешм или Тбилиси... Про Тбилиси, наверное, нечего особо рассказывать, просто он... Даже непонятно почему – просто он очень понравился. Наверное, потому что там грузины. Грузины – они классные, мне нравятся грузины. Веселые, добродушные и вообще офигенные люди. А Кешм – потому что там я впервые увидел пустыню, я мечтал о пустыне с самого детства, я всегда хотел поехать в Африку... И я приехал туда, на Кешм, а там верблюды ходят через улицу, какие-то женщины в таких масках, где видно только глаза, черные мужики, как негры, практически... вот. И жарко и противно, но все равно мне там хотелось остаться... (*смеется*) Это был такой отголосок моей мечты об Африке – очень такой... Удачный.

Затемнение.

У экрана, на котором сменяются рекламные проспекты туров в Иран, стоит улыбчивый ВЕДУЩИЙ. Он читает свой текст, картинно жестикулируя, как стюарт на борту самолета, объясняющий правила эвакуации.

ВЕДУЩИЙ: Биосферный заповедник острова Кешм знаменит своими манговыми лесами, которые состоят из белых и серых манговых деревьев. Сюда прилетают на зимовку фламинго, пеликаны, цапли и другие. Помимо этого, в заповеднике встречаются зелёные черепахи и ядовитые морские змеи. В южной части острова Кешм также можно посетить заповедные пляжи у деревни Шибдераз, где черепахи откладывают яйца.

Обменять валюту в Иране можно в банках, обменных пунктах, в аэропорту Тегерана и в отелях. Наиболее выгодно это делать в частных обменных пунктах, во многих туристических районах принимают к обмену доллары и евро.

Употреблять алкоголь в Иране категорически запрещено, купить спиртные напитки можно только в зоне свободной торговли на острове Киш, но на их употребление также введены определенные запреты.

В Иран можно ввозить и вывозить иностранную валюту в любых количествах. В страну запрещен ввоз оружия, взрывчатых веществ, наркотиков, материалы порнографического характера, материалы, способные оскорбить национальную религию и нормы морали.

При вывозе из Ирана ценных вещей, предметов антиквариата и ковров рекомендуется иметь при себе чек.

Затемнение

Кухня. ЖЕНЯ и АНЯ по-прежнему сидят за столом. АНЯ тихонько наигрывает на флейте простую мелодию. У нее получается не очень хорошо.

ЖЕНЯ: Я – транжир. Деньги для меня – это осуществление возможностей. Меня раздражают люди, которые говорят, что деньги не важны. Даже если ты будешь все время повторять, что деньги не важны, то все равно ты заостряешь внимание на деньгах. Когда у меня денег нет, я стараюсь их заработать, когда они есть, я их просто трачу. Они просто расширяют возможности. Не просто, чтобы были деньги, а на них можно купить что-нибудь классное, там, например, мотоцикл или яхту, или прыгнуть с парашютом. Есть какие-то вещи, которые без денег сделать нельзя или очень сложно, к сожалению. Но я никогда не забочусь о том, чтобы сэкономить, выбрать что-нибудь подешевле. Если мне хочется сникерс, я иду и покупаю сникерс... Правда, потом я думаю, что можно было бы купить два килограмма риса (*Смеется*) Но это только потом...

Как я зарабатывал... Я писал в «Нашу ниву». У нас с ними странное сотрудничество. Я перед отъездом с ними встретился, предложил писать им статьи, спросил, на какие темы, потому что у всех изданий есть какие-то требования... Они мне дали полную свободу, сказали: «Делай, что хочешь». И когда я начал делать, что я хочу, они все портили. Оказалось, что у них абсолютно другое виденье. Они хотели от моих материалов что-то

похоже на «Lonely Planet» или на Википедию. Они говорили: «Представь, что по твоим стопам идут сотни белорусов». То есть я должен был говорить: «Здесь не поворачивайте направо, а поверните налево, потому что так будет быстрее, здесь тратят деньги не на это, а на это, на Сахалин стоит съездить потому что там новый супер-мега-курорт...» или что-нибудь такое...

Но мне хотелось написать что-нибудь другое. Например, про то, как я украл сникерс в Монголии... Я, когда был очень мелкий, я воровал в магазинах, меня этому научил мой брат, однажды меня спалили за воровством «Шока» (*Смеется*) Ну, во всем виновата моя избирательность, любовь к совершенству... Я не знал – хочу ли я «Несквик» или хочу «Шок», и я попеременно воровал то одно, то другое, утаскивал, а потом снова клал на место. Потом, конечно, я был спален «людьми в цивильном». И по выходу из кассы, меня просто завели в комнату, забрали «Шок», сказали: «У тебя еще был «Несквик», начали искать... Больше всего меня обидело, что они пытались его найти у меня в носках... Ну, знаешь, как будто я в носок засунул... Это меня прямо так задело... (*Смеется*).

Но самое ужасное, что они меня просто не отпустили, они позвонили моей маме, мама не могла за мной приехать, ну, нужно было чтобы кто-то забрал из родственников. Маме пришлось позвонить тете, а тетю я очень люблю, она – единственный... Ну, не единственный, но очень важный для меня человек. Она просто классная. Я всегда на нее ориентируюсь... Тем более в том возрасте... И когда она приехала, мне было стыдно очень именно перед ней. Она меня вывела из магазина, указала на остановку, спросила, есть ли деньги на проезд, я сказал: «Есть». Она спросила: «Сам доедешь, без происшествий?» Я сказал, что да, доеду. И это было ужасно (*Усмехается*). И после этого, конечно, как отшибло. Но я учусь! В Монголии мне было нечего есть, я пошел в магазин и спиздил сникерс. Мой кумир Рома думает, что я украл два, но это неправда – один я купил, а второй украл! (*Смеется*).

Потом было много чего еще украдено в Монголии, в-основном, это было сладости или какой-нибудь там кусок сыра или масла или творог, или что-то такое.

(*Бодро*) А в Комсомольске меня спалили! Я вот такую пачку сникерсов запихал, помоему... в штаны. Я это очень ловко провернул – я просчитал абсолютно все – от охранников до камер. Я стоял в слепой зоне. Но какой-то мудака приклеил пищалку прямо на пачку сникерсов. Я впервые видел, чтобы на сникерсы клеили пищалку и не обратил внимания, я бы, конечно, отклеил. И потом, когда я выходил из кассы, запищало. Меня остановили, проверили все вещи, начали меня ощупывать, нашли пачку сникерсов. А кассир сразу начала кричать: «Скорее! Вызовите полицию! Пусть его заберут! Почему мы должны платить из-за него недостачу!»...

АНЯ: Боже мой! Пусть он умрет!

ЖЕНЯ: (*Смеется*) Ну как-то так, да. Охранник начал упрашивать ее отпустить меня, она все кричала: «Вызовите полицию!», позвали старшего продавца, старший продавец сказал: «Пусть берет тот сникерс, что купил, и идет», кассирша кричит: «Вызовите полицию!» В

итоге приехала полиция и они все вместе стали уговаривать кассира меня отпустить. Уговорили. Я купил шоколадку, подарил кассиру и ушел. А на выходе охранник меня поймал и сказал: «Чувак, иди воровать в другом месте или сюда, но, когда будет не моя смена.»

Еще, например, в Иране. Тогда моя редакция как раз перевела мне первый транш и я планировал снять эти деньги в Иране, но когда я приехал туда, оказалось, что международные карты там заблокированы, кроме того я абсолютно не знал местного языка и фактически не знал английского, не мог ничего сказать... И тогда – было тяжело. Но я – живой. Мне пришлось очень активно выучить английский... При первых приступах голода он просто попер изнутри. Лучше, чем любая языковая школа! Мне просто приходилось постоянно идти на контакт с людьми... Не то, чтобы просить еды, а так мягко, корректно напрашиваться на вписку, а когда тебя вписывают, приглашают домой, то, конечно, кормят ужином. Иранцы, они, в принципе, очень гостеприимные... Так что благодаря санкциям против Ирана, я выучил английский и завел там кучу друзей и знакомых. (*Смеется*)

АНЯ: Дай вон ту мне.

ЖЕНЯ берет еще одну флейту с подоконника и протягивает АНЕ. АНЯ начинает разбирать и чистить флейту.

АНЯ: Спасибо.

ЖЕНЯ: На флейте? Ну так, немного ... Я же тут на аккордеоне... Я аккордеон нашел на Сахалине, и там же оставил. Я когда-то учился в музыкалке играть на аккордеоне. После того, как я закончил музыкалку, я его забросил, потому что... Ну, потому что оказалось, что это не надо, но мне очень хочется на нем играть. Мне вообще очень хочется на чем-нибудь играть. Аккордеон мне близок, мне близко его звучание, мне просто он нравится. Вот. И я думал какое-то время, чтобы найти себе инструмент и путешествовать вместе с ним. На Сахалине я его нашел, но не взял с собой, оставил, потому что у меня был выбор – либо тащить с собой аккордеон, либо делать фотографии. Когда у тебя заняты руки – ты не сделаешь ни одной фотографии. Я выбрал фото.

... Реализация творческая... Сидеть играть... В лесу, может быть, между автостопными рывками сидеть возле дороги и что-нибудь ебашить... Было б здорово.

Затемнение.

У экрана, на котором сменяются фотографии баянов и аккордеонов стоит улыбчивый ВЕДУЩИЙ.

ВЕДУЩИЙ: Аккордеон "Заря" отдаю даром (Южно-Сахалинск). Аккордеон "Заря" ищет нового хозяина. Давно не используется, ждет Вас. В комплекте идет кейс. Удиви друзей раритетом!

Южно-Сахалинск. Продам аккордеон Weltmeister Saphir! Клавишный аккордеон размера четыре на четыре, Итальянские язычки! Инструмент в хорошем состоянии, продаётся в комплекте с чехлом, ! Жду звонков! Контактное лицо: Иван. Цена: сто тысяч руб.

Гармонь. Продам или поменяю на два алтайских варгана Шуйскую гармонь "Чайка-два", б\у в хоршем рабочем состоянии, настроена, без дефектов, ремней и футляра к гармонии нет. цена три тысячи руб., возможен небольшой торг. Рассмотрю варианты обмена только на алтайские варганы. Контактное лицо: Вера.

Южно-Сахалинск. Отдам в добрые руки Аккордеон «Заря». Не в очень хорошем состоянии. Старый. Залипает несколько клавиш.. Можно забирать с завтрашнего дня в кафе «Украинский дворик». Контактное лицо: Евгений.

ВЕДУЩИЙ уходит. Затемнение.

Кухня. ЖЕНЯ и АНЯ все так же сидят за столом.

ЖЕНЯ: Ну ладно. Что? Семья? У меня есть отец, мать, брат, сестра. Первым узнал мой брат... Ну, самым первым узнал мой друг лучший, я ему рассказал, он сказал: «Чувак, круто! Я бы тоже хотел, но я не смогу...» Через месяц узнал мой брат. Я сидел на кухне, всю ночь рубался в комп, утром он вышел приготовить завтрак. Я говорю: «Паш, слушай, через месяц я уезжаю на три года в кругосветку автостопом, без бабла». Он сел за стол, начал смеяться, смеялся непрерывно минуты полторы-две. Я спросил: «Почему ты смеешься?». Он говорит: «Ну это как будто ты заявил, что улетаешь на Луну». Потом узнал папа. Я рассказал, попросил не рассказывать маме... *(смеется)* Я просто еще не знал, как ее подготовить к этому... Ну это было как-то так: я пришел к папе и сказал: «Папа, я уезжаю в кругосветку на три года». Он сказал: «Окей». Спросил: «А как же учеба?» Я говорю: «Никак». Он говорит: «Ну ладно». У нас с ним достаточно натянутые отношения. Ему, наверное, стало проще. Что еще один человек уехал из этого дома, жить стало проще, спокойнее... Мы с ним периодически дрались. *(смеется)*. Нет, он меня, конечно, любит... Какой-то своей любовью непонятной... Своеобразной... Я знал, что он так скажет, поэтому я почувствовал: Привет, еще одна формальность улажена...

Мама узнала позже... Нет, позже всех узнала бабушка. В последний день перед моим отъездом. *(смеется)* Потому что я очень боялся, что бабушка... Что у нее случится инфаркт или что-то такое, что обычно случается у бабушек, и она не доживет до моего отъезда, не то что приезда... Но узнала сначала мама. Я пришел домой, сказал: «Мама, нам нужно с тобой серьезно поговорить... Ты, пожалуйста, сядь лучше.» Я раньше думал, что так только в анекдотах говорят, но нет - я сказал: Мам, ты лучше сядь. И я говорю: ты только, пожалуйста меня не перебивай (она любит перебивать), говорю: не перебивай... И я ей все рассказал, оказалось, что я буду рассказывать ей не полчаса, я уложился в несколько минут. Я закончил, замолчал. Она тоже замолчала. Я говорю: Мам, что ты молчишь? Она говорит: Ну ты же сказал не перебивать... *(смеется)* Но я думаю, что она просто осмысливала, просто не знала, что ответить... Вот. И она... Ну, поскольку я тогда

еще учился, поскольку перед отъездом я открыл свою компанию по ремонту и обслуживанию компьютеров, я планировал стать серьезным человеком, заняться взрослой жизнью... Короче, она сказала, что надо доучиться, надо развить свой бизнес, заработать кучу денег, и тогда, может быть, ехать.

Но я ей объяснил, что... После учебы нужно отработать, конечно... В нашей стране так принято... Когда ты развиваешь свой бизнес, его все тяжелее и тяжелее оставить... Если будет карьера – ее тоже сложнее и сложнее оставить... Если будет семья... Хотя я еще не думал об этом... Ее тоже хрен бросишь... Вот... И в принципе, она приняла эти доводы и сказала, что да, лучше ехать сейчас. Я думаю, что она сама очень тоскует по путешествиям, потому что она, когда была молодая, очень много ходила в походы, на байдарках по рекам... И на картошку, конечно, ездила... Вот. Поэтому, я думаю, она меня понимает и поддерживает... Ну, конечно, она какое-то время пробовала меня отговорить, говорила: может быть, ты останешься? Первый месяц она говорила: может, ты вернешься? А я был тогда в Грузии. Она говорила: Ну вот, ты Грузию уже посмотрел, может, ты вернешься? Я говорю: мам, ну в мире сто пятьдесят четыре страны, а то и больше. Еще какое-то время она пробовала говорить, что, может быть, стоит вернуться, но после того, как я опубликовал запись о том, что я уезжаю в Сахалин, она прокомментировала: «Молодец, еще один шаг пройден, двигай дальше, ждем тебя дома!» *(Смеется)* То есть в принципе она уже смирилась.

У брата самого достаточно активная жизнь, у него нет времени думать о любимом брате, но сестра, конечно, очень скучает, ну, по крайней мере, скучала первое время. Сейчас, я думаю, она меня постепенно забывает, скоро будет думать, что был когда-то такой брат, но не будет помнить, как звучит мой голос... Ну, это естественно, потому что она маленькая, она развивается, в этом возрасте очень много событий, очень много нового, так что логично, что брата, который не появляется на горизонте целый год, а еще и несколько лет впереди... может забыть. Ей десять лет... Будет, вот... Завтра...

За окном слышится отдаленный треск феерверка. ЖЕНЯ и АНЯ поворачивают лица к окну. Их лица освещаются красным светом.

АНЯ: Ура.

ЖЕНЯ: ...Первое время я отправлял смс-ку домой почти каждый день: мама, я живой, я покушал, я не промочил ноги, я лег спать. Мама, если я несколько дней не отправлял смски, пробовала мне названивать: Алло, Женя! Что случилось? Я волнуюсь! Куда звонить? Потом это стало немножко реже, а после того, как я выжил в Монголии, мама, наверное, решила, что со мной уже ни хрена не случится, и сейчас мы созваниваемся уже достаточно редко. Обычно, когда есть интернет, мы созваниваемся через скайп. Я не знаю, что ей рассказывать, она не знает, что рассказывать мне, потому что с моей точки зрения, у меня не происходит ничего нового, то есть я как обычно перемещаюсь с места на место, у меня как обычно много новых знакомств и как обычно, много новых впечатлений. *(Смеется)* А

дома как обычно – проблемы с работой и семьей, поэтому ... Вот так как-то обмениваемся какими-то мелкими новостями и все.

Самое ужасное, что не о чем говорить с сестрой, потому что не знаем, о чем друг другу рассказать. Ей рассказывать, что она ездила к бабушке? Или что получила пятерку по английскому? Ну или, там, десятку... А мне... Рассказывать, что я ночевал на берегу моря, потому что мне не было где жить? Как-то это не состыковывается... (*Смеется*) Не, ну мы, конечно, все это рассказываем, но разговор очень быстро заканчивается и это очень грустно... Не хочется с ней говорить – хочется, чтобы она была рядом. На самом деле, хочется забрать ее из Беларуси и прокатить ее по миру. Я думаю, что в ее возрасте это было бы вообще супер. Если бы она выучила английский и уехала куда-нибудь в другую страну получать образование, я был бы просто счастлив... Но у мамы другие взгляды на воспитание дочери, к сожалению...

Я обо всем рассказываю. Когда я был в Нагорном Карабахе в один из дней, когда мне не хотелось выходить на контакт с человечеством, я ушел в горы, долго ходил по горам, жрал ежевику дикую, и зашел настолько далеко, что не знал, как оттуда выходить... И тут откуда ни возьмись, ко мне подрулил «Жигуленок», из нее вышли два парня. Оказалось, что они тоже заехали подальше, потому что хотели покурить, чтоб их никто не видел, и тут такой я – оба! – спускаюсь с гор. Они мне дали бутылку пива, и мы пошли курить траву вместе. И после этого мы долго катались на машине, они мне показывали город, они узнали, что я долго не связывался с семьей, потому что в Карабахе у меня не работал роуминг... Свезли меня в интернет-кафе, чтобы я смог связаться с мамой. И я написал: «Мама, я в Карабахе. Здесь до сих пор стреляют на границе, все дома разбомбленные, но здесь классные прекрасные люди. Вот, например, те, что накурили меня травой, но ты не переживай, трава была очень хорошая ...» (*Усмехается*)

Затемнение.

Космос. В луче света появляется КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО.

КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО: Это очень-очень важно, когда кто-то тебя ждет. Вот меня никто не ждет. И поэтому я знаю, как это важно. Ну, конечно, появляются какие-то родные вещи со временем... Вот, например, Солнце. Меня как-то притянуло – и я с тех пор летаю вокруг него. Как бы далеко я по орбите не отлетела, я все равно вернусь к Солнцу. Оно, как... Не знаю, как мой родной город как будто. Можно считать, что Солнце меня ждет, да? Ну еще Юпитер меня как бы ждет, но это не считается. Ай. Кстати, когда летаешь по такому большому кругу, то кажется, что двигаешься всегда вперед. По прямой. А потом – раз – и уже опять на том же самом месте. Это такое волшебство путешествия – все время вперед, и все время новое все, кажется, а на самом деле, круги наматываешь... Кстати, тут ко мне приближается какой-то... Не пойми кто. Серебристый такой. Ну не знаю, интригует. Как будто я в свое гравитационное поле кого-то затащила. (*хихикает*). Ну не знаю короче, а может, просто космический мусор...

Затемнение.

Кухня. ЖЕНЯ заваривает чай. Он один на кухне. Тихонько играет Hindi Zahra – Beautiful tango

ЖЕНЯ: Самый классный момент был в Иране. Мы с моим товарищем жили у одного наркомана, его звали Мустафа. Он постоянно ходил укуренный, удалбанный, постоянно под неизвестно чем. Когда заканчивалось действие одного вещества, он шел в индийскую лавку и покупал что-нибудь другое. У него дома все было заставлено кактусами и грибами, он их выращивал, высушивал и использовал. На стенах были какие-то психоделические рисунки. Он мне нравился. И однажды ночью, когда на соседней кровати Роман трахал какую-то персидскую девушку... Кровать тряслась и все скрипело... В колонках играла Хинди Захра – «Танго». Мы просто лежали на кровати и как-то так... Коснулись друг друга руками... Я даже не знаю, как это объяснить, хотя... вроде не было никаких предпосылок... Просто обнимались, не было секса... Мы целовались и просто обнимались, но... Для меня это было очень ново... Это был какой-то... У нас с ним не было общего языка – он не понимал по-английски, я не понимал по-персидски, мы с ним все время общались только жестами и какими-то непонятными сигналами... И тут вдруг мы стали очень близки, и...

На следующий день я уехал из этого места, мы еще несколько раз встречались в городе, но мы об этом не заговаривали... Лично я не чувствовал в этом необходимости, он, мне кажется, тоже. Вот. Но это ощущение было для меня очень ново. У меня такого никогда до этого не было, и, пожалуй, не было после. Это было такое офигенное состояние умиротворенности... Наверное, это испытывают все влюбленные – я так подозреваю, потому что у меня, наверное, такого никогда не было. Было просто очень хорошо, хотелось, чтобы это продолжалось и продолжалось...

Затемнение.

У карты Владивостока стоит улыбчивый ВЕДУЩИЙ с указкой в руках.

ВЕДУЩИЙ: В зимний период во Владивостоке господствует сухой и холодный континентальный воздух, обуславливающий ясную морозную погоду. Средняя продолжительность зимнего периода составляет 132 дня, начало приходится на 13 ноября, последний зимний день на 23 марта, что сравнимо с продолжительностью климатической зимы в Москве (133 суток).

В течение зимы в городе бывает обычно около 18 пасмурных дней и примерно 27 дней с осадками. Осадки выпадают в виде снега. Но в отдельные годы возможны смешанные осадки и даже дождь. Метели в городе происходят в среднем на протяжении 8—9 дней. Нередки случаи, когда скорость ветра при метелях возрастает до 15—20 м/с, в этих случаях отмечаются снежные заносы, приводящие к остановке транспорта, прекращению работ.

Затемнение

(слышен звук флейты, смех АЛАНА и АНИ)

АЛАН: Да у вас тут дохера инструментов... Женя меня научил... *(звук флейты)*
Спрашивает, научился на флейте играть?... Он думал, это ты, а тут нежданчик... *(упавшим голосом)* Флейта за кадром. *(Звук флейты, неразборчивые голоса – ЖЕНЯ разговаривает с АНЕЙ)*

АНЯ: Не надо брать блок-флейту, она писклявая, надо брать альтовую...

ЖЕНЯ: Я хочу альтовую, да, у меня на эту пальцев хватает, но не хватает дыхания.

(звук флейты, неразборчивые голоса, звук помех)

3

В луче света появляется АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА с аккордеоном в руках. Она поет, сопровождая себя на аккордеоне.

АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА: Слышу голос из прекрасного далека, голос утренний в серебряной росе. Слышу голос и манящая дорога кружит голову, как в детстве карусель! Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь! Из чистого истока в прекрасное далеко, в прекрасное далеко я начинаю путь!

Затемнение.

Кухня.

ЖЕНЯ сидит перел ноутбуком. На спине его задрана майка. АНЯ что-то рисует на спине у ЖЕНИ.

ЖЕНЯ: Я не могу шевелиться, потому что мне рисуют на спине.

АНЯ: Не крутись, не готово еще.

ЖЕНЯ: Ну короче. Как было дело... Рома во всем виноват... Рома вообще... *(Смеется)*
Испортил всю мою жизнь... Своим влиянием. Да, надо рассказать немножко о другом, чтобы было понятно... Рома был первый человек, который рассуждает в категориях честности. То есть, он все делит на честное и нечестное. То есть, он говорит о том, что человек должен быть предельно честен, в первую очередь, с собой, ну и, соответственно, со всеми окружающими. Мы об этом говорили еще до путешествия, когда мы были в Киеве. Меня это прям поразило, удивило. Но я это не понимал до конца. Очень сильно эта позиция проявилась в Грузии, когда там проходил какой-то джаз-фестиваль, и мы сначала ходили на бесплатные выступления.

Там приезжали и играли классные молодые группы. Они всегда верят в то, что играют, хоть у них и не всегда все получается. Ты чувствуешь их – это здорово. Потом приехал какой-то чувак, я не помню, как его зовут, но он типа мировой джазмен со стажем, какой-то негритос. И это был закрытый показ, платное выступление, стоило очень-очень дорого. И мы туда пробрались бесплатно, перелезли через забор... И когда этот чувак вышел на сцену, вроде все было хорошо, но... как-то... не так. Я не мог понять, в чем загвоздка. Вроде песни уже столько лет отрепетированные, отыгранные. Вроде классная музыка, классный голос, но что-то не то, не цепляет.

И Рома пришел и сказал, чувак, пошли отсюда, это говно. Я говорю: почему? Он говорит: Ну, он сам не верит в то, что он играет. То есть он говорил, что этот человек нечестен, он не верит в то, что он поет. Он поет о любви, или о жизни, или не важно о чем еще, но для него это просто набор звуков. И... Так и есть на самом деле. Теорию честности-нечестности можно применить абсолютно ко всему. Почему, там, например, одна музыка цепляет, а другая – нет, почему один фильм цепляет, а другой – нет, хотя даже тот, который не цепляет, выполнен более профессионально. Все дело в этом. Ну вот, я очень много об этом думал, очень много разговаривали...

Моя жизненная философия до этого была такой, более классической, общепринятой. Там, плохо-хорошо... Там, должно-не должно... Такие, какие-то общественные регуляторы – вот так стоит делать, так - не стоит делать... А почему – непонятно. Это принято, это не принято, это – культурно, это – бескультурно. Это было то, что в меня заложили с детства, что я слышал каждый день на улицах... Сейчас у меня такого нету. Сейчас для меня нет «плохо» и «хорошо.» Я понимаю, что любую вещь, любой поступок, любое событие можно всегда рассматривать с разных сторон.

Сейчас я не до конца честен. Я боюсь все еще, наверное, какого-то общественного порицания... Или даже нет, боюсь потери отношений. Сейчас есть какие-то хорошие отношения с ребятами, и я боюсь, что ... «Еб твою мать! Еб твою мать! Чувак! Нет!» *(Смеется)*

Вот, мы все время про это говорили: честность-честность, мне казалось это таким важным, но при этом я был капитально нечестен сам с собой и с окружающими. И я решил все рассказать Роме однажды. Долго-долго думал. Мы были в Иране, жили у какого-то чувака. Был вечер и я пришел к Роме в комнату и сказал: Рома... Таким серьезным голосом... Мне надо поговорить с тобой... Он что-то читал, отложил книжку и говорит: Ну че там у тебя? Я говорю: я – гей. Он так... Сначала даже не въехал, по ходу... Даже продолжил читать, а потом так: что-что-что? Повтори... Вскочил, начал бегать по комнате. Блин! Что!? Как!? Как это произошло? Вот. Для него это было просто очень ново. Он много слышал об этой проблеме, но никогда не сталкивался так близко. А тут – человек, с которым он столько путешествовал вместе, ночевал в одной палатке, и все такое... И вдруг – такая подстава... *(Усмехается)*.

Блин, мне так некомфортно, что я не могу шевелиться... Ань, там много еще?

АНЯ: Готово почти...

ЖЕНЯ: Мне бы увидеть, что там...

АНЯ: Жень, ты сейчас будешь вертеться и можешь все это смазать... Я могу сфотографировать, сядь на место...

ЖЕНЯ: ... Впрочем его это шокировало – то, что он столкнулся с этим так близко, лоб в лоб. Он долго это обдумывал, что-то там себе психовал. Говорил: Женья, извини, но я теперь тебя буду стебать всю дорогу, и он с меня стебался всю дорогу. И сказал: я просто обязан написать об этом в журнале... У него было очень классное объяснение почему. Он говорил о том, что... Ну, мы меняем мир. Это очевидно, что мы влияем на мир, на всех людей, и чем необычнее и значительнее твои поступки, тем сильнее ты влияешь на людей. Меня читают... Ну, его, на самом деле, читает, наверное, все активное белорусскоязычное общество, и в той или иной степени его статьи влияют на всех, кто его читает. Ну ты представь: чувак, который делает какие-то невероятные вещи, такие как кругосветное путешествие автостопом, такие штуки вытворяет, за которым следят множество людей... И вдруг выясняется, что он – гей... То есть он – никакой-то отброс общества, и не какой-то неполноценный человек... Ну, понимаешь, о чем он говорил, да? И он хотел написать...

Но проблема была в том, что мои родители читают ромины заметки, и тогда бы они все равно узнали. И я решил нанести упреждающий удар. У меня не было связи, я не мог позвонить, поэтому я ограничился смс-кой брату и маме... Я, наверное, могу найти в истории переписки, если хочешь... (*Ищет в ноутбуке*) Щас, секундочку, я поищу... Хаха... Нашел. Читаю: «Я – гей, и это не шутка. Говорю об этом, потому что Рома напишет об этом в своей статье через пару недель, и я хочу, чтобы ты узнала об этом от меня, а не из газет. Это очень долгая и очень важная история, и я когда-нибудь поговорю с тобой об этом позже, хорошо? (*Смеется*) Можешь поступить с этой информацией как хочешь, даю тебе картбланш. Можешь рассказать Павлу или бабушке – как хочешь... Только пожалуйста, не плачь. Смайлик.» Ну вообще, мы с мамой тут очень серьезно поругались, на самом деле... Брат сначала написал: что, это шутка? Потом, когда понял, что это не шутка, он сказал, типа, что за хрень? Потом: как бы ладно, ты – мой брат. Типа, что тут поделаешь?

А мама тогда ответила мне: «Ещё напомним тебе, что ты слаб сном и выпивкой. если ты мало спишь и много пьёшь, то к концу путешествия ты наберёшь хороший опыт не только как гей, но и наркоман, алкоголик и психически неуравновешенный. прости за резкость, но тебе этого никто больше не скажет...» Ну, короче, много всякой херни она мне тогда наговорила... Ну, она начала говорить сразу не об этом, а о другом – что-то гадкое и неприятное... Особенно меня расстроила фраза: «Дома и так хватает проблем, не нужно тащить сюда еще свой душевный мусор.» (*Невесело усмехается*). Я сказал: «Окей, мам. Пока.» Спасибо за внимание. Потом мы обсуждали это уже более спокойно. Мама уже сказал, что нужно молиться, и господь меня излечит (*Усмехается*). С тех пор мы с мамой

договорились не общаться на тему религии и на тему гомосексуализма. *(поворачивается к АНЕ)* Ну как там, готово уже?

АНЯ: Да, готово.

ЖЕНЯ: Ну сфоткай, покажи...

АНЯ: Минуту...

АНЯ достаёт смартфон, он звонит у нее в руках.

АНЯ: Жень, сорри, мама... *(АНЯ уходит, разговаривая по телефону)* Алло? Мам? Привет...

Входит АЛАН, роется в холодильнике.

ЖЕНЯ: Алан.

АЛАН: Ага.

ЖЕНЯ: А посмотри, что там Аня на спине нарисовала?

АЛАН: *(Смотрит)* Тут не нарисовано. Написано.

ЖЕНЯ: А что?

АЛАН: «Море меняет цвет...»

ЖЕНЯ: А дальше?

АЛАН: *(читает со спины ЖЕНИ)* Море меняет цвет

слышатся крики чаек.

нет никаких обещаний

и званий

тоже пока что нет.

лёгкая качка, штиль,

хриплая дрожь мотора,

слева, в упор - Япония -

кажется, в паре миль.

я бы доплыл, я б остался,

будь я чуть-чуть смелей

но посреди морей

я - лишь пунктир на карте.

скоро зажжётся свет

зовом в кают-компанию.

будешь в плену - на прощание

вспомни:

море меняет цвет.

Затмение.

Космос. В луче света появляется КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО

КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО: *(Смущенно)* Этот серебристый спустился. Семь часов спускался. Настойчивый такой модуль. *(ПАУЗА)* Так приятно на самом деле. Вот ты одна, одна все время... Уже и не думаешь о том, что можно с кем-то быть. Ну и заняться есть чем – летишь себе, думаешь о чем-нибудь. А потом раз – и не одна. Кому-то ты интересна, кому-то ты нужна, оказывается. Кто-то серебристый рядом крутится. Ну нет, еще так прямо общего языка не нашли. Ну он очень деликатный. А я, если честно, хотела бы уже даже и каких-то... Ну, понимаешь... Каких-то геологических работ... У меня миллионы лет не было геологических работ. Но я пока держу себя в руках. Делаю вид, будто ничего не произошло особенного. И еще я немного волнуюсь – мне кажется, он очень интеллигентный, умный. А я такой глупой кажусь себе. Не знаю... А еще разница в возрасте... Как бы все не испортить. Ой, а еще боюсь... А вдруг он хочет меня использовать просто? Долетит на мне до Юпитера, и скажет: «Спасибо детка, было супер». И полетит Юпитер изучать... И всегда есть страх такой, от него трудно избавиться – знаешь... Ведь это не навсегда. Ничего не навсегда. Когда-нибудь он улетит. И вообще, может, это просто случайность, что мы встретились в огромном космосе. Может, он вообще – обознался? Ладно, нужно успокоиться. Я буду хорошей кометой и буду вести себя как обычно: спокойненько лететь себе в облаке газа и пыли.

Кухня. ЖЕНЯ делает бутерброды.

ЖЕНЯ: Вообще все время было как-то не до того. Ты все время чем-то занят, ты куда-то идешь или хочешь есть, или наоборот, сил столько, что ты ничего не хочешь... То есть были какие-то спонтанные встречи, в том же Иране. На Сахалине – да. На Сахалине я знакомился через сайт. Это было очень весело! *(Усмехается)*

Я как раз тогда только начал работать, переехал в кафе, где работал. Только начал жить там. На второй же день пришел директор и сказал: если ты кого-нибудь сюда приведешь, то я вырву тебе руки, сломаю ноги и утоплю в Охотском море – как-то в этом плане... Тем более, что я знал, что у него в сумке лежит пистолет, поэтому я на этот счет вообще очень сильно переживал... Вот. И тем не менее... Ко мне приходил парень.

Это было ночью, потому что ночью никого в кафе не было, оно закрывалось после двух часов ночи... Он перелезал по сугробам... Сугробы там – до второго этажа... Через какие-то гаражи, через непонятно что, к черному ходу, я открывал ему дверь и мы втихаря пробирались мимо камер... Тогда я не знал пароли от камер, и не знал, как их стереть... Короче, мимо камер мы пробирались в бухгалтерию, в кабинет, где был охуенный мягкий диванчик... Проводили всю ночь, и утром он уходил на работу. И на следующий день до обеда я ходил, нервно озираясь по сторонам – не знает ли кто-нибудь что-нибудь? Что там, как? Че слышно из бухгалтерии? (*Смеется*)

Ну, потом успокоился, вошло в привычку. Он приходил ко мне на работу, втихаря пробираясь мимо камер... А он работал охранником в гостинице, и в его смену я приходил к нему на работу. Поскольку он был охранником и знал все о камерах, мы втихаря поудаляли все со всех камер (*Смеется*) Это были какие-то... Ну, такие, очень интересные отношения... Постоянно, по ночам втихаря мимо камер куда-то красться...

У него, по-моему нет родителей, и он вообще не из Южно-Сахалинска. Он приехал в Южно-Сахалинск и живет у своего друга. Там частный дом, большая семья, мать этого друга, какие-то дети, еще он... Вот. И он в этом доме часто тусуется вместе со всеми... То есть у него есть дом, но туда даже в гости прийти, не говоря о чем-то большем... Он такой... Гопник с мозгами. Такой очень яркий представитель дворовой культуры, но при этом он достаточно мне интересен...

Меня привлекло в нем, что... Он был достаточно прост... Не сказать, что он был интересен, как личность очень, но тем не менее, он был... честен. Он был очень открыт, откровенен, он четко знал, чего он хочет, я четко знал, чего я хочу. Мы как-то это озвучивали, и там, на чем-то сходились. Я говорил, допустим: «Я здесь на месяц-полтора, на подработке». Он говорит: «Окей. Я знаю, что ты скоро уедешь». Ну и всегда по всем параметрам все было очень открыто и понятно. Мне это нравилось.

Затемнение.

В луче света появляется АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА с аккордеоном в руках. Она поет, аккомпанируя себе на аккордеоне.

АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА: Слышу голос из прекрасного далека, он зовет меня в чудесные края! Слышу голос, голос спрашивает строго: что для завтра сегодня сделал я?! Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь! Из чистого истока в прекрасное далеко, в прекрасное далеко я начинаю путь!

АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА уходит.

Кухня. ЖЕНЯ пытается закурить у окна, но спички не зажигаются. Звучит голос ЖЕНИ.

ГОЛОС ЖЕНИ: Как громадный мотор,

что гудит подо мною в машинном,
так колотится сердце.
в упор не хочу признавать эту дрожь -
корабля ли, мою ли?
это ложь, что я мог бы остаться.
это ложь.
не согреться мне местным июлем,
если ветер знобит и изорван над палубой флаг.

мой рюкзак запакован.
эти сотни тоскливых ночей,
этот сплин,
этот крепкий пьянящий Parliament -
оставляю тебе, Сахалин.
мы расстались ничьей.

ЖЕНЯ наконец-то закуривает.

ЖЕНЯ: Все происходит так, как происходит. Мне кажется, я полностью ответственен за все, что со мной происходит. Одна из проблем свободы – ты полностью отвечаешь за все последствия. Ты делаешь какой-то выбор между А и Б, производишь какое-то действие, и за этим следуют абсолютно закономерные последствия. И раз ты сделал выбор, то ты за него полностью ответственен... От бога это имеет очень сильное отличие. Меня, например, очень раздражает фраза «На все воля божья». Меня эта фраза просто убивает. Может, она имела какой-то хороший смысл прежде, но сейчас она в-основном воспринимается чисто как «сиди, ничего не делай, все уже задумано...» Человек умер – такова воля божья, человек родился – заебись – такова была воля божья. Что бы не произошло – это уже было запланировано, не стоит рыпаться, ты все равно ничего не изменишь.

Нет, я не верю в бога, но мне кажется, что есть какой-то... Какой-то смысл все равно у всего есть? Какой-то, может, физический закон, который мы не знаем... Который все объясняет, объясняет, откуда появилась вселенная, почему она расширяется и расширяется именно с ускорением. Законы, в соответствии с которыми все это происходит в мире. Мне

кажется, это и есть бог. Но, к сожалению, я не доживу до момента, когда мы узнаем это... Это меня, кстати, тоже очень беспокоит (*Смеется*) – то, что я не доживу до момента, когда мы узнаем, почему Вселенная расширяется, наверняка не доживу до колонизации Марса или до атомной войны на Земле. Короче, все самые интересные вещи я пропущу, мне кажется... (*Усмехается*)

Как кто-то сказал: Бог умер... (*Усмехается*) Бог был когда-то давно, когда я был еще совсем мелким, меня как-то посадили на всю эту религию... Верил, там, каждый вечер перелопачивал молитвослов, но это я был совсем мелкий, наверное, лет десять. Потом пришел как-то к более трезвому осознанию реальности и... Я не знаю. Я не берусь утверждать, что бога, там, высшего разума, как его не назови, нету... Я просто не знаю. Но что меня жутко раздражает, так это религия. Потому что я очень не люблю ограниченных людей. Религия ограничивает очень сильно и очень жестоко. Она не дает возможности развиваться. Единственное, что... Буддизм... Но это скорее даже философия, а не религия... И она направлена на развитие. Все остальное – только на ущемление. Мне это очень не нравится. Особенно после Ирана. Где я увидел, что бывает, когда религиозные фанатики получают власть. Это отвратительно.

Бог в какой-то момент стал мне не важен. А конкретный момент, касаемый смерти бога, наверное, был тогда (*Смеется*), когда у моего одноклассника начали пробиваться усы, а у меня пошла другая реакция... На эти маскулинные черты... Я понял, что православие – это все хуйня... Мне уготована смерть и вечные муки и бла-бла-бла (*Усмехается*) Знаешь, если все это правда и на самом деле есть рай и ад, я бы хотел попасть в ад – там веселее. Все самые классные люди соберутся там. Ты только представь – Эбби Хоффман, Дженис Джоппин и еще куча разного народа...

Затемнение.

Космос. В луче света появляется КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО

КОМЕТА ЧУРЮМОВА-ГЕРАСИМЕНКО: Я не верю во всякое такое, запредельное. Все таки Вселенная - очень конкретная штука. И знаешь, сверху не видно там у вас никаких небес и беседок из облаков. Меня тоже когда-нибудь не станет. По кусочку, по кусочку, и я распадусь, сгорю, и стану космической пылью, как и всё. И я многое бы поменяла, конечно, в моей жизни и в себе. И не все мне нравится вокруг, но я знаю, что никогда не буду ни о чем жалеть. И этот мой, серебристый – пока он рядом, буду этому радоваться. А когда он улетит – тогда и решу, что делать. Когда знаешь, что ты тут только на один раз, а потом тебя не станет, жизнь становится интереснее, веселее, ты смотришь по сторонам и чаще находишь повод улыбнуться, например. И для этого не нужен никакой высший смысл. Просто ты существуешь, движешься вперед, как и всё вокруг тебя, и от этого тебе хорошо...

Кухня. ЖЕНЯ и АЛАН сидят за столом и жуют бутерброды. Каждый смотрит в свой ноутбук.

ЖЕНЯ: Я не знаю. Я постоянно об этом думаю, но я ничего не знаю. (ПАУЗА) Вот. Что я буду делать? Я иногда пытаюсь представить сам момент возвращения...

Может же так получиться, что я приеду и никто не будет об этом знать, или что я прилечу на самолете или приеду на автобусе и люди будут знать, на какое место я прибуду и придут меня встречать. Семья, друзья... И я не могу представить этот момент, я не знаю, что я им скажу... Наверное, я просто остановлюсь на каком-то расстоянии, может, метров двадцать, и буду стоять, на них смотреть... Не знаю – буду плакать или смеяться... Это так непонятно...

(Спохватывается) Потом, наверное, я поеду домой, и там соберутся все родственники, закатят шикарный ужин, скажут: «Ну, рассказывай!». Это будет тоже, конечно, глупо с их стороны, потому что как рассказать несколько лет за одну ночь?... Ну наверняка кто-то скажет: «Ну, рассказывай!», как думаешь? *(Смеется)*. Потом, под утро я лягу спать и проснусь под утро, часов в двенадцать, а то и в час. Дома никого не будет – все будут на работе или на учебе... И, я на самом деле, сейчас в растерянности: вот, представь: я просыпаюсь, вижу потолок, там, встаю – дома никого нет... Мне не надо ни на учебу, ни на работу, мне ничего не надо. Я не знаю, кому звонить...

АЛАН: Мне позвони

ЖЕНЯ: Дорого будет во Владик звонить.

АЛАН: И позвонить ему жалко... Анька! Слышь, он звонить нам не будет!

АЛАН берет бутерброды и ноутбук, уходит.

ЖЕНЯ: Я тут подумал... Все начинается, и потом заканчивается. Большинство людей привыкло жить в одном месте, и кажется, что если они вечно живут в одном месте, перемещаются по одному и тому же маршруту и смотрят один и тот же телеканал, то и все в жизни должно происходить так. Надо жениться раз и навсегда, надо, чтобы твой сын, там, шел определенной дорогой к намеченной цели...

Так не бывает. Все проходит. Все начинается, и потом заканчивается.

ЖЕНЯ смотрит в окно.

Затемнение.

У карты Шанхая стоит улыбчивый ВЕДУЩИЙ с указкой в руках.

ВЕДУЩИЙ: Лето в Шанхае очень жаркое и влажное. Наиболее высокая температура бывает в июле и августе. Летом нередко на Шанхай приходят тайфуны и неожиданные сильные ливни со штормовым ветром. Во время путешествия в летние месяцы, пожалуйста, возьмите с собой зонты. Они помогут вам защититься не только от дождя, но и от излишне ярких солнечных лучей.

Затемнение.

Космос. В луче света появляется КОМЕТА ЧУРЮОМОВА-ГЕРАСИМЕНКО

КОМЕТА ЧУРЮОМОВА-ГЕРАСИМЕНКО: Я ухожу от Солнца все дальше. А потом опять приближусь. А может, орбита опять сместится, и я улечу в глубокий космос. Так странно. Хорошо, что жизнь такая интересная, правда?

Серебристого моего я пока от Солнца заслонила – пусть поспит, устал, наверное, от перелета. Спит, как котенок. А я, вот, лечу, думаю. Про то, что все мы летим в космосе, неизвестно куда. Подмигиваем иногда друг другу. И про то, как это все хорошо устроено.

Кстати, чуть не забыла. Иногда от нечего делать, я пою. Когда настроение есть. Вот, сейчас как раз настроение есть. Слушай...

Затмение.

Звучит запись магнитных колебаний кометы 67P/Чурюмова-Герасименко.

КОНЕЦ

Минск, 2015 г.